

Седелников Михаил Валерьевич

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНВЕРГЕНЦИИ: ОПЫТ СИНТЕЗА КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ

Статья посвящена осмыслению опыта политических и социально-экономических преобразований современного Китая, идущего по пути формирования развитого индустриального общества. Глобальная социалистическая система не прекратила существование, а сохранилась и трансформировалась, продолжая оказывать влияние на многие геополитические процессы в мире. Затронуты вопросы конструктивности сравнительного опыта строительства "рыночного социализма" в Китае и СССР, а также проанализирована целесообразность применения отдельных принципов и методов социализма в современной России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 147-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Дилакторская О. Г. Фантастическое в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Русская литература. 1984. № 1. С. 153-166.
6. Захарян Т. Б. Сакральный символ в языке религии: дисс. ... к. филос. н. Екатеринбург, 2006. 164 с.
7. Кодекс чести русского офицера [Электронный ресурс]. URL: <http://fishki.net/1556091-kodeks-chesti-russkogo-oficera.html?mode=recent> (дата обращения: 02.03.2017).
8. Носков В. Г. Афоризмы. Русские мыслители от Ломоносова до Герцена [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-v-noskov/70283-aforizmu-russkie-mysliteli-ot-lomonosova-do-gercena-v-noskov/read/page-1.html> (дата обращения: 30.01.2017).
9. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1980. 390 с.
10. Рассовская Л. П. Кошунственные произведения Пушкина и Гоголя («Гавриилиада» и «Нос») // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2004. Специальный выпуск. С. 32-44.
11. Савина О. Раскрытая тайна повести Н. В. Гоголя «Нос» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2009/08/15/254> (дата обращения: 30.01.2017).
12. Свод законов Российской империи. СПб.: Изд-во Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. Том третий. Уставы о службе гражданской. 1416 с.
13. Соллертинский И. И. «Нос» – орудие пролетариата // Рабочий и театр. 1930. № 7. С. 6-7.
14. Струтинская Е. И. Искания художников театра: Петербург – Петроград – Ленинград: 1910-1920-е годы. М., 1998. 247 с.
15. Толковый словарь русского языка / ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. 1578 с.
16. Характеристика героя. Платон Кузьмич Ковалев (Нос. Гоголь Н. В.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litra.ru/characters/get/chid/00179771291506722582> (дата обращения: 02.03.2017).
17. Шостакович Д. Д. К премьере «Носа» // Рабочий и театр. 1929. № 24.
18. Шостакович Д. Д. Собрание сочинений / ред. О. Комарницкий. М.: Музыка, 1981. Т. 19. Опера «Нос» (по одноимённой повести Н. В. Гоголя), соч. 15, 1928 г. Клавир. Переложение для пения с фортепиано автора. 289 с.
19. Щедрин Р. К. Слово о Шостаковиче [Электронный ресурс] // Дмитрий Шостакович – жизнь и творчество. URL: <http://ale07.ru/music/notes/song/muzlit/shostakovich8.htm> (дата обращения: 30.01.2017).

**ESSAY ON THE THEME “TAKE CARE OF YOUR HONOUR, WHILE YOU ARE YOUNG”
BY THE EXAMPLE OF “THE NOSE” OPERA BY D. D. SHOSTAKOVICH (TO THE 110TH ANNIVERSARY)**

Sviridova Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism
*Sobinov Saratov State Conservatory
Saratov Regional College of Art
irina_swiridova@mail.ru*

Isaeva Kseniya Valentinovna
*Saratov Regional College of Art
oliksk@mail.ru*

The article is devoted to a relevant problem of studying D. D. Shostakovich's operatic and choral creative work. The paper aims to examine specificity of implementing multi-level symbolism in the opera “The Nose” on N. V. Gogol's story (from “Petersburg Stories”). The authors pay special attention to interaction of literary and musical peculiarities to discover the story's figurative aspect. The work has interdisciplinary nature and covers problems of history, philosophy, psychology, pedagogy, philology and musicology.

Key words and phrases: D. D. Shostakovich; N. V. Gogol; opera “The Nose”; symbolism; “Take Care of Your Honour, While You Are Young”.

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена осмыслению опыта политических и социально-экономических преобразований современного Китая, идущего по пути формирования развитого индустриального общества. Глобальная социалистическая система не прекратила существование, а сохранилась и трансформировалась, продолжая оказывать влияние на многие геополитические процессы в мире. Затронуты вопросы конструктивности сравнительного опыта строительства «рыночного социализма» в Китае и СССР, а также проанализирована целесообразность применения отдельных принципов и методов социализма в современной России.

Ключевые слова и фразы: общество; конвергенция; политическая система; социализм; капитализм; социально-экономическое развитие; научно-технический прогресс; модернизация.

Седельников Михаил Валерьевич, к. филос. н.
*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
mike.sedelnikov@yandex.ru*

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНВЕРГЕНЦИИ:
ОПЫТ СИНТЕЗА КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ**

Геополитические разногласия России со странами Запада, выступавшими ориентирами для части российской элиты на протяжении двух последних десятилетий, за несколько лет привели к непростым взаимоотношениям

с бывшими партнерами во многих сферах. Свертывание экономического, технического и военного сотрудничества с Европой и США, которое продолжалось с 1990-х, высветило новые горизонты для альянса с давним азиатским соседом России – Китаем – державой континентального масштаба.

Пройдя путь от непосредственной помощи со стороны СССР в становлении собственного социалистического режима, Китай испытал периоды политических расхождений и локальных военных конфликтов с Советским Союзом, пережил крушение Организации Варшавского договора. Основоположники современного политического режима КНР, уважая историю своей страны, не являются «заложниками прошлого», делая акцент на существующем стратегическом партнерстве с Российской Федерацией. В свою очередь, российская политическая элита воспринимает Китайскую Народную Республику как фундаментальную опору мирового порядка, союз с которой может стать мощным противовесом гегемонии США и их сателлитов.

24 июня 2016 г. президент России посетил с визитом Китай, обсудив с китайским лидером вопросы научно-технического развития и сотрудничества России и КНР в сфере инноваций. Достоин внимания то, что Си Цзиньпин и В. В. Путин подвергли критике политику государств, сводящуюся к лоббированию собственных геополитических интересов, прибегая к мощным силам собственного военно-технического превосходства. При рассмотрении с социально-философской точки зрения империалистического курса некоторых сверхдержав на милитаризацию и её соотношение с капитализмом, либеральной экономикой и научно-техническим прогрессом отмечалось, что идеология милитаризма устаревает, уступая место перспективной идеологии «мягкой» экономической экспансии по примеру Китая [14, с. 144-145].

Сегодня КНР – успешное государство, одно из немногих, сумевшее сохранить принципиальную верность коммунистическим идеям, систему планирования и другие черты социалистического режима. В России все чаще апеллируют к советскому прошлому, как в патриотических целях, так и обращаясь к удачному управленческому опыту. С социально-философских позиций интересно рассмотреть, какие механизмы сегодня задействует социалистический китайский режим, успешно повышая научный и технический потенциал страны, и как это соотносится с общественным развитием Китая.

Р. А. Медведев формулирует существующее мнение о современном Китае как о государстве, которое движется вперед уже не по социалистическому, а по капиталистическому пути, индикатором чего выступают рост имущественного неравенства, удельный вес и размер частной собственности. Социализм же играет роль политического лозунга. Ученый подвергает эту позицию критике: Китай использует рычаги рыночной экономики, капиталистические методы, прежде всего, для ускорения экономического развития с использованием системы директивного планирования и ее последующего перехода на рельсы гармоничного социалистического общества с китайской спецификой. Все системообразующие предприятия (тяжелая промышленность, энергетика), транспортные системы, городская инфраструктура, крупнейшие банки и земля являются в Китае государственной собственностью, а частный капитал представлен легкой и пищевой промышленностью [8, с. 183-185].

Действительно, в отличие, например, от России, Китай прошел путь перестройки политико-экономической модели эволюционно, сумев не застрять на стадии так называемого «социализма с человеческим лицом» (разновидности догматического «реального» социализма), но удержаться и от «дикого капитализма». Общество и государство КНР как политические институты остановились на «демаркационной линии». Именно поэтому китайские метаморфозы в экономике, общественном развитии увлекают философов, социологов, политологов: они воплощают в себе редкий в современном мире процесс конвергенции, т.е. сближения двух систем – капитализма и социализма, – основывающийся на прочном научно-техническом фундаменте.

Сегодня интерес к социализму и критика капитализма представляют определенный тренд в научной и публицистической литературе. Считается, что мировые кризисы – порождение политики развитых стран Запада, наряду с различными аспектами глобализации [5, с. 473]. В мировой прессе можно найти симптоматичные заголовки: «На капитализм нужно надеть узду» [6], «Почему молодым американцам не по душе капитализм» [16]. С точки зрения некоторых исследователей, произошедшие в прошлом и сохраняющиеся поныне конвергентные изменения создали устойчивые идеологические ориентиры, которые сегодня могут разрастаться и крепнуть, воплощаясь в массовых движениях («новые левые», антиглобалисты и другие), порицающих капиталистическую систему. Нужно учитывать, что капитализм переживает этапы кризиса, и его противоречия могут резко обостриться, а это способно вызвать усиление институциональных аспектов конвергенции [1, с. 231].

Таким образом, несмотря на доминирование капитализма, глобальная социалистическая система не исчезла. Она частично сохранилась, хотя пережила трансформации, и многие связанные с ее существованием изменения продолжают воздействовать на мировые процессы. Примером может служить влияние Индии, Вьетнама, некоторых стран Латинской Америки. В качестве примера чаще всего приводится авторитет Китая, в котором социалистическая идеология не прекратила существование. Это демонстрирует то, что научные идеи о конвергенции как о синтезе преимуществ социализма и капитализма, высказанные в разное время Дж. К. Гэлбрейтом, С. М. Меншиковым, А. Д. Сахаровым [3; 9; 13], продолжают оставаться актуальными. Цель настоящей статьи – проследить этапы становления социалистического режима и конвергентную трансформацию общества в Китае, подходы к научно-техническому прогрессу, а также отношение СССР и России к этим процессам.

В сфере научно-технического прогресса Китай всегда характеризовался новаторскими позициями. Впервые в мире такие изобретения как бумага и магнитный компас, порох, бумажные деньги были созданы китайцами. В XX в. Китай совершил «скачок» от полуколониальной зависимой державы, от вековой автаркии к мощному социалистическому режиму, обладающему атомным реактором и баллистическими ракетами [19, с. 591-593]. Необходимо отметить, что этот путь не был слишком простым. Философско-теоретические идеи китайского лидера Мао Цзэдуна проложили путь практическим экспериментам над китайским народом. Политика

«Большого скачка», начатая в 1958 г., строилась на личном желании Мао Цзэдуна показать миру, что социалистический Китай превзошел СССР (и другие государства) в стремительном преодолении экономической отсталости [11, с. 156-157]. Однако техника и наука не использовались во благо «простого человека», т.к. китайский тоталитарный режим консолидировал свои силы в ходе милитаризации, концентрации огромных средств на развитие ракетно-ядерного потенциала и подавление всякой оппозиции курсу Мао Цзэдуна. Для режима было выгодно держать страну в искусственно созданной лихорадочной атмосфере военных приготовлений [10, с. 608-609].

Для режима Мао Цзэдуна было характерно множество существенных недостатков. Можно выделить лишь основные. Во-первых, имели место серьезный произвол в экономической политике и бессистемность экономических решений. Во-вторых, почти отсутствовали стимулы для внедрения достижений технического прогресса в тех сферах, которые не касались обороны. Третья негативная черта режима КНР того периода – курс на изоляцию, закрытость экономической системы. В целом китайская модель того времени обнажила ряд дефектов, наиболее важный из которых с точки зрения социума – разрушение социально-психологических основ, причиной которого стали тоталитарная власть, культ личности, несправедливое распределение благ, что проявилось в психологии народа и, в конечном счете, привело к злоупотреблениям политики «культурной революции» и режима «личной власти». Политика «Большого скачка» вызвала беспрецедентный хозяйственный дисбаланс, и от нее пришлось отказаться.

Поэтому возникла необходимость в реальной экономической и научно-технической трансформации страны, которая была бы ориентирована на нужды человека, а не режима. Начавшийся вскоре процесс демонтажа системы Мао Цзэдуна означал переход от тоталитарного режима к авторитарной модели власти. Он (демонтаж) не только затрагивал властные структуры и государственность, а создавал условия для необходимой эволюции в сферах экономики и социума: намечилось постепенное смягчение форм, методов и установок тоталитарного режима 1960-70-х годов [Там же, с. 609].

Поэтапные социально-экономические преобразования в КНР с конца седьмого десятилетия XX в. начались под руководством Дэн Сяопина. Начало было положено земельной реформой, так называемой «первой модернизацией». Еще при Мао Цзэдуне Дэн Сяопин заявлял, что ради увеличения производства допустимо единоличное крестьянское хозяйство. «Белая ли это кошка или черная, главное, чтобы она ловила мышей» [4, с. 340]. Впоследствии в соответствии с этим лозунгом была создана экономически свободная форма хозяйствования, при которой крестьянин стал владельцем земли, получив возможность для переселения на свободные государственные земли и свободу для создания в деревне промыслов на индустриальной основе. Народные коммуны с коллективной формой собственности преобразовались в подобие фермерских хозяйств: землей с правом пожизненного владения распоряжался семейный подряд. При этом правительство Китая реализовало ряд программ с целью недопущения в деревне слишком большого неравенства.

Во второй половине 1980-х был анонсирован переход к строительству «социализма с китайской спецификой». Успехи земельной реформы позволили начать «вторую модернизацию» – реорганизацию индустрии. Начавшаяся с сокращения пределов непосредственного администрирования, постепенно упразднялась система директивного планирования. При сохранении государственной собственности предприятия получали права максимально широкой самостоятельности на началах хозрасчета, предприятие могло устанавливать цены на свою продукцию. Происходило перераспределение управленческих функций: они переходили из рук партийных секретарей к технократам, ставившим главной целью предприятия экономическую эффективность. Были предприняты первые шаги к акционированию государственных предприятий, которое открывало дорогу к созданию смешанного предпринимательства. Почти половина всей рабочей силы Китая была задействована в промышленности вне сферы непосредственного государственного контроля и управления, при этом одна четверть была занята на частных предприятиях. Повышались доходы горожан, создавались новые рабочие места, увеличивались темпы роста экономики [10, с. 613].

Столь бурный экономический рост происходил при использовании современных технологий, что стало важной предпосылкой модернизации экономики в целом. Большое значение придавалось привлечению иностранных инвестиций для создания рабочих мест в наиболее современных отраслях промышленности. Компартия Китая стремилась облегчить и стимулировать этот процесс: началось образование «специальных экономических зон», которые стали «островками» капитализма в китайской социалистической экономике. Самой крупной и известной «специальной экономической зоной» стал район Шэньчжэнь, расположенный на границе с английской колонией Гонконг. Здесь строились современные предприятия – сначала легкой промышленности, затем электроники, создаваемые на основе передовых зарубежных технологий [Там же, с. 615].

Мощная агропромышленная система, прогресс в сельском хозяйстве, возрастающий за счет крестьян дешевый рынок труда, отказ от идеологических догм в экономике, стремительный промышленный рост, увеличение валютных резервов, иностранные инвестиции и восстановление финансовых и деловых контактов с другими странами позволили Дэн Сяопину начать реализацию следующих этапов реформирования китайской экономики – «третью модернизацию» – в области армии. Была создана «армия с китайской спецификой», т.е. мощная, укрепленная за счет достижений науки и техники, в соответствии с системой социалистической рыночной экономики и с постоянно обновляемым вооружением для решения территориальных проблем Китая. Одновременно с третьей стартовала «четвертая модернизация», направленная на развитие высоких научных технологий и обеспечение национальной технологической безопасности [7, с. 140, 162].

В основе реформ в КНР 1976-1989 гг. годов лежали интеллектуальный плюрализм и неконформизм: китайская научная интеллигенция интересовалась как проблемами социализма, технократии, так и ранее

запрещенными идеологиями – неоконфуцианством, либерализмом. Популярностью у нее пользовалась монография Э. Тоффлера «Третья волна» [17], в которой позиционировалось, что «вторая волна» индустриального общества заканчивается, наступает новая эпоха – «век знания», – где информационные технологии соединят децентрализованную экономику и нужды потребителя. Это совпало с представлениями китайских ученых о будущем научно-технического прогресса.

В современных исследованиях подчеркивается, что в XX веке по многим параметрам ключевую роль для Китая сыграла помощь Советского Союза, став важнейшим фактором поступательного движения общественно-экономической системы китайского государства [18]. Это объективная реальность: научно-техническое шефство «старшего брата» стало основополагающим в становлении КНР. Внедрение социалистической модели в самой населенной стране в мире сопровождалось кредитованием экономики, предоставлением военных баз, передачей Китаю советской части Манчжурской железной дороги (которая до сих пор используется промышленностью Китая). В числе прочего – военная помощь в вооруженной борьбе с внешними и внутренними врагами. СССР отправлял в Китай военных и экономических советников, поставлял оружие. В КНР выпускались копии советских автомобилей, самолетов, промышленного оборудования и другой техники. Геополитическая цель – создание в Китае подконтрольного режима, распространение социалистической идеологии – была достигнута. Однако через некоторое время отношения двух стран испортились. Требовалось самостоятельное становление промышленного потенциала, для чего и были задуманы китайские «четыре модернизации».

Возможно, именно конфронтация, существовавшая между крупнейшими странами социалистического лагеря, привела Китай к поиску собственного варианта развития, отличающегося от пути СССР. Тем не менее, в третьей четверти XX века КНР и Советский Союз столкнулись со схожими кризисными явлениями существовавшей в этих странах социально-экономической модели. Если объективно оценивать эти процессы, представляется, что с точки зрения нужд общества в первую очередь требовались смягчение форм и методов тоталитаризма, переход к системе авторитарного управления.

Перед Дэн Сяопином встал вопрос, как преодолеть недостатки социалистического строительства: начать модифицирование либо политической системы, либо – экономической. Согласно концепции Ф. Шорта, Дэн Сяопин, придя к власти, направил все силы на реорганизацию прежней политической системы, заменил ее «диктатурой буржуазии» так, что на первое место была поставлена идея экономического роста, а не следование идеологическим догмам [19, с. 591-593]. Более приемлемой, однако, представляется точка зрения Д. Пристланда, согласно которой Китай успешно воспользовался опытом ленинской Советской России, где для сглаживания недовольства населения политикой «военного коммунизма» была введена с начала 1920-х рыночная модель экономики (НЭП). Четыре китайские «модернизации» – это продолжение идей ленинского НЭПа 1920-х, но принципиально отличающееся от реформ, начатых Н. С. Хрущевым и достигших кульминации при М. С. Горбачеве [12, с. 763].

Массовые протестные выступления на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. считаются вехой, после которой Китаю следовало перейти к глубоким демократическим преобразованиям. Однако в правительстве страны эта возможность была расценена как угроза идущей экономической модернизации из-за колебаний политической системы. Подавив «революцию» в «зачаточном» состоянии, сохраняя незыблемость авторитарной политической системы, китайское руководство, тем не менее, осознало необходимость дальнейшего развития частного предпринимательства, децентрализации экономики, интеграции в систему мирового разделения труда.

Что касается аналогичного переломного периода социализма в СССР, то с середины 1980-х М. С. Горбачёв для преодоления схожих трудностей объявил политику «перестройки» и «ускорения», прислушавшись к той части общества, которая была явно настроена на реальные общественно-экономические и политические перемены. Это произошло вопреки тому, что общество в известной степени выказывало ориентир на частное предпринимательство и развитие экономики без опоры на государство, сохраняя при этом высокий уровень социального доверия и считая действующую власть легитимной.

Однако внешняя политика, где М. С. Горбачев одерживал ряд успехов, занимала большее внимание советского лидера, нежели экономическая система, где все чаще случались неудачи. Несмотря на поощрение кооперативов и других элементов рынка (система хозрасчета на предприятиях), для полномасштабного внедрения рыночных механизмов не хватило политической воли (при авторитарном в целом характере режима). Это стало «ахиллесовой пятой» социалистической системы СССР: преобразования в экономике проводились поверхностно, практически не способствовали решению проблемы товарного дефицита. В результате произошел распад страны, ликвидация существующей общественно-экономической и политической системы. «Реформирование» закончилось революцией, последствия которой Россия не может преодолеть до настоящего времени.

Таким образом, советские лидеры, думая главным образом об удержании своей власти, слишком много говорили о «стабильности», боялись нововведений, прогрессивных реформ [15, с. 241]. Последствия такой политики, отразившись на экономике СССР, привели ее к «застойным явлениям», дефициту, недовольству населения, стали катализаторами коллапса социалистического режима. Глубокие реформы оказались невозможны без «твердой руки», которая была в Китае при Дэн Сяопине.

На сегодняшний день отношения России и КНР приобретают новые грани. Обе страны в целом стараются активно участвовать в научных исследованиях, инновации и модернизации экономики, совершенствовании системы социальных отношений. Поэтому все четче обращает на себя внимание соизмерение двух моделей – капитализма и социализма. В Китае наблюдается поступательное развитие экономики на протяжении нескольких десятков лет, хотя сохраняется авторитарный стиль правления КПК. То есть, КНР является примером режима, который сориентирован на научно-технический прогресс, конвергентно объединяя преимущества двух систем.

Тема конвергенции давно вызывает большое число научных дискуссий. Нобелевский лауреат А. Д. Сахаров, рассуждая о будущем государства, науки и техники, высказывал следующее предположение: экономический строй, возникший в результате процесса сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования [13, с. 39]. Представляя коммунистическое будущее СССР, А. Д. Сахаров, сам того не подозревая, в 1974 г. отчасти предвосхитил будущее Китая. Схожие проблемы анализирует и Дж. К. Гэлбрейт. «Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования» [3, с. 111-112].

Стоит упомянуть точку зрения В. Х. Беленького, который также положительно оценивает конвергенцию и дает ей научное определение как системного синтеза лучших черт социализма и капитализма, который возможен как интеграция двух систем, вживание элементов социализма в капиталистическую систему или (и) наоборот. Он считает, что конвергентные процессы вариативны, различаются глубиной, содержанием, темпами и, главное, формационными характеристиками, т.е. «ближе к социализму», «ближе к капитализму», «более-менее равновесные». Например, шведский социализм – это капитализм с «социализмообразными» чертами. А Китай берет из опыта капитализма то, что необходимо для преодоления противоречий в развитии социалистической системы [1, с. 232].

В. С. Семенов считает, что наличие в мире нескольких мощных общественных систем в значительной степени балансировало односторонности общественного развития конкретных стран капитализма и социализма, т.е. в определенной степени социализировало капитализм и экономически инициировало страны социализма. В этом, по словам исследователя, особенно стал преуспевать Китай с начала эффективных и действенных реформ. Происходило то, что получило название конвергенции, т.е. сочетания, синтеза достижений и достоинств капитализма и социализма [15, с. 382].

Черета таких событий как политический кризис 1991 г. и последующий распад СССР, непопулярные либеральные реформы, «увод» большей части госсобственности не позволяет говорить об отечественном синтезе социализма с капитализмом как о свершившемся факте. «Россия бросилась в демократию, что закончилось хаосом, почти экономическим крахом в девяностые годы при Ельцине» [2, с. 164]. В современной капиталистической России революционным путем избавились от социализма и, вдогонку, от его научно-технического потенциала. Несмотря на это, именно китайский опыт любопытен и близок нашей стране: сегодня как никогда актуальны «конвергентные шаги».

На наш взгляд, считать конвергенцию односторонним процессом, присущим только социалистическим (коммунистическим) системам, неверно. Дж. К. Гэлбрейт подчеркивает значение тенденции к конвергенции всех индустриальных обществ, вне зависимости от различий их национальных или идеологических притязаний. Конвергенция связана, прежде всего, с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как важнейшим следствием названных факторов. Все это, по словам учёного, требует контроля над ценами и, насколько возможно, контроля над тем, что покупается по этим ценам, т.е. рынок должен быть заменен планированием [3, с. 325].

В России имеет смысл восстанавливать отдельные принципы и методы социализма (такие как планирование), если видеть конечной целью справедливое распределение благ в стране и сплочение разобщенных социальных групп. Следует признать, что часть российской политической элиты разделяет и совершенствует социалистические идеи, имея многочисленных сторонников, например, партии КПРФ и «Справедливая Россия», однако их политические результаты пока скромные, а о конвергенции не упоминается. Согласованности общественно-экономических отношений, основанной на социалистических принципах, требуют непростая ситуация в российской экономике, нарастание имущественного неравенства, эксплуатация бедных слоев населения богатыми, снижение роли образования и науки в жизни человека, напряженность во внешней и внутренней политике.

Специалисты считают, что в начале XXI в. России удалось добиться частичных успехов не потому, что она придерживалась либеральной европейско-американской экономической модели. С. М. Меньшиков, например, подчеркивает, что причина достижений кроется в том, что не были отброшены прошлые 70-летние социальные завоевания, и государство концентрировало силы на высокотехнологических государственных концернах и больших инфраструктурных проектах. Таким образом, Россия последние десять лет развивалась отчасти тоже по конвергентной модели [9].

Пребывая в XXI в. на достаточно высоком (хотя и различающемся) уровне научно-технического развития, и Китай, и Россия обнаруживают обоюдные интересы: помимо общих геополитических противников, пристальное внимание обеих стран приковано к технике и высоким технологиям (оборонная сфера, космическая отрасль, телекоммуникации). Можно привести пример сотрудничества: проект широкофюзеляжного самолета на базе российского ИЛ-96 с привлечением российской инженерной школы и китайских производственных мощностей. Однако в подходах государств существуют значительные различия. Россия поставляет в Китай отдельные виды высоких технологий, электроэнергию и природные ресурсы, в то время как КНР экспортирует в нашу страну преимущественно товары широкого потребительского спроса. Здесь и кроется основная проблема, поскольку Россия поставляет то, что у Китая в дефиците или отсутствует в принципе, а импортируемые из Поднебесной товары и технологии можно произвести самостоятельно, загрузив отечественные предприятия и тем самым создав дополнительные рабочие места.

Китай на рубеже XX-XXI вв. обрел независимость от поставок импортной техники. Изначально это было тиражирование воспроизводимых военных, космических и других технологий, сменившееся копированием

идей по основным мировым направлениям развития техники. Сегодня, не отказавшись полностью от подражания (яркий пример – автомобильная промышленность КНР), Китай держит курс на самостоятельное развитие высокотехнологичных отраслей, соперничество в этом направлении с США, ФРГ, Японией, Южной Кореей, Россией. Большое подспорье в этом для китайского научно-технического прогресса – мощное государственное стимулирование науки, строительство сборочных линий совместно с мировыми компаниями. Китай развивает и военную сферу, но не в ущерб количеству товаров народного потребления, являя действительно эффективный курс на импортозамещение. Политическая элита КНР методично развивает экономику, повышая благосостояние китайского общества, а не только защищая узко-собственнические интересы, как, например, российская элита. Фактором, стимулирующим прогресс в КНР, можно назвать продуманное антикоррупционное законодательство, ответственность за взяточничество.

Китайская модель еще не приняла окончательной формы. Глубокая модернизация экономики, осуществляемая на базе авторитарного режима, со временем потребует демократических преобразований. Учитывая коллективный опыт стран, в которых интеллектуальное экономическое развитие начиналось сверху и происходило в авторитарной обстановке, отметим тенденцию: как только экономика разовьется, она начинает требовать демократизации [2, с. 165]. В начале 1990-х США предприняли попытку применить теорию «распространения демократии» к КНР, поставив экономические связи в зависимость от реформ политической системы Китая. Как указывает бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, эта линия поведения встретила столь резкое противодействие со стороны китайского руководства, что градус настойчивости в вопросах мирового устройства президенту Б. Клинтону пришлось снизить [5, с. 410-411].

Согласно западной либеральной идеологии, в условиях мощного роста рыночной экономики политическая и военная основа государственной власти должна ослабевать, а тоталитарные режимы – сменяться либеральными правительствами (пример Южной Кореи, Тайваня и др.). Однако ученый полагает, что с ростом экономической и военной мощи «китайская специфика» привела страну не к ослаблению, а, напротив, к усилению централизации и нового силового обеспечения власти, осуществляющей реформы в стране. Группировка образованных китайских технократов во главе с Цзян Цзэмином и Ли Пэнгом учла ошибки и просчеты СССР и поняла, как их избежать [7, с. 151].

Можно заключить, что квинтэссенция социалистического и капиталистического конвергентного опыта Китая состоит в том, что с помощью техники, научных достижений и инноваций можно соединить грамотное управление, мощную экономику и стабильность общества, не доводя политический режим до состояния революции и гражданской войны. Как показывает опыт КНР, демократизация общества (по примеру СССР) – отнюдь не главное условие успешной модернизации. Отметим также, что при определенных условиях не обязательны либеральная идеология и тотальная частная собственность: исторические, экономические и культурные традиции в ряде государств не воспринимают подобную модель как приемлемую.

Немаловажное значение играет поступательное эволюционирование режима: мирная (экономическая, а не военная) экспансия, отсутствие финансовых кризисов и других социальных потрясений. Ключевой задачей конвергенции является гармонизация связей общества (неоднородного в любом государстве) и руководства страны посредством синтеза достижений различных политико-экономических систем. Стоит, конечно, подчеркнуть колоссальные возможности научно-технического прогресса, но его вектор должен быть нацелен на то, чтобы дополнять политическую, социальную, нравственную и культурную составляющие политического режима. Это сегодня практически подтверждается успехами Китая и его правительства, думающего не о своих личных интересах, а о нуждах социума.

Список источников

1. **Беленький В. Х.** Стратификационная система общества: некоторые вопросы теории и общественного развития. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2009. 244 с.
2. **Бжезинский З.** Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: Астрель, 2012. 317 с.
3. **Гэлбрейт Дж. К.** Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.
4. **Жемчугов А. А.** Китайская головоломка. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 351 с.
5. **Киссинджер Г.** Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
6. **Лагановскис Г.** На капитализм нужно надеть узду [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140113/216416888.html> (дата обращения: 01.03.2017).
7. **Малевиц И. А.** Азиатский треугольник драконов. М.: АСТ, 2006. 640 с.
8. **Медведев Р. А.** Подъем Китая. М.: Астрель, 2012. 318 с.
9. **Меньшиков С. М.** Конвергенция – случайность или неизбежность? [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta-slovo.ru/politika/2498-konvergentsiya-sluchajnost-ili-neizbezhnost> (дата обращения: 01.03.2017).
10. **Непомнин О. Е.** История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2011. 736 с.
11. **Пайпс Р.** Коммунизм. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 200 с.
12. **Пристланд Д.** Красный флаг: история коммунизма. М.: Эксмо, 2011. 976 с.
13. **Сахаров А. Д.** Мир, прогресс, права человека: статьи и выступления. Л.: Советский Писатель, 1990. 128 с.
14. **Седельников М. В.** Научно-технический прогресс в США: социально-философские факторы милитаризации политического режима // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 142-146.
15. **Семенов В. С.** Уроки XX века и путь в XXI век: социально-философский анализ и прогноз. М.: Институт философии РАН, 2000. 411 с.

16. Симон С. Почему молодым американцам не по душе капитализм [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20160623/236947067.html> (дата обращения: 01.03.2017).
17. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
18. Широкоград А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М.: Вече, 2004. 448 с.
19. Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2005. 606 с.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF CONVERGENCE: EXPERIENCE OF CAPITALISM AND SOCIALISM SYNTHESIS IN CHINA

Sedel'nikov Mikhail Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Siberian Federal University in Krasnoyarsk
mike.sedelnikov@yandex.ru

The article is devoted to understanding experience of political and socio-economic transformations of modern China, which is on the way to formation of a developed industrial society. The global socialistic system did not cease to exist, but was preserved and transformed, continuing to influence many geopolitical processes in the world. The issues of constructiveness of comparative experience of forming "market socialism" in China and the USSR are touched upon, expediency of applying certain principles and methods of socialism in modern Russia is analyzed.

Key words and phrases: society; convergence; political system; socialism; capitalism; socio-economic development; scientific-technical progress; modernization.

УДК 141.32

Философские науки

В статье анализируется обоснование метода отрицания в философских работах И. Канта и Г. Г. Гегеля. Тавтология тождества «Абсолют есть Абсолют», доведенная до кризисных пределов противостояния существующему, т.е. ставшая «пустой», признается обоими мыслителями непродуктивной с философской точки зрения. Отрицание как активность Абсолюта (часть первая статьи), а также следствия этой теоретической установки (часть вторая статьи) позволяют рассмотреть несколько мировоззренческих вариантов преодоления экзистенциального кризиса.

Ключевые слова и фразы: бытие; Абсолют; тождество; отрицание; противоположность; экзистенциальный кризис; катастрофа; И. Кант; Г. Г. Гегель.

Серебрякова Юлия Вадимовна, к. культурологии, доцент

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова

Julia_srebro@mail.ru

МЕТАФОРЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТРИЦАНИЕ КАК АКТИВНОСТЬ АБСОЛЮТА (ЧАСТЬ 1)

Вступление. Экзистенциальный кризис и риск развития: тавтология, позволяющая мыслить пустоту (Ничто)

Экзистенциальный кризис как философское понятие появляется в сопротивлении тавтологии тождества «бытие есть бытие» и является, по сути, крайней формой преодоления этого тождества, «бытием-на-границе»(це) бытия и небытия. Как риск самопознания экзистенциальный кризис «задевает», «зацепляет», прежде всего, субъекта [11, с. 88], заставляя переоценивать жизненные ценности и ориентиры. Другими словами, экзистенциальный кризис является формой самосознания подобно пустому понятию без предмета [13, с. 61]: экзистенциальный кризис не может быть «связан» с конкретным предметом, поскольку является переживанием катастрофы реальности, когда земля буквально уходит из-под ног, и у человека нет ни времени, ни сил осознать происходящее. В этот момент речь может идти только о выживании, а не осознании.

Осознание появляется спустя некоторое время (возникает временной зазор) и может быть сформулировано как «зачем жить?», «как жить дальше?». Основания бытия человека, его личной судьбы перестраиваются, меняется его мировоззрение, зачастую радикально. Пустое понятие экзистенциального кризиса может стать тотальностью отрицания (и самоотрицания, самоуничтожения), но также может быть наполнено и новым смыслом, новым содержанием, могут быть найдены новые основания бытия, сознание может быть заново структурировано. Другими словами, состояние экзистенциального кризиса указывает на выбор: «или – или», и выбор «и то, и другое» здесь исключен.

Пустота катастрофы проникает в сознание человека сначала как сомнение, а затем как отрицание, отторжение. Однако катастрофы современного мира, тотально разрушающие реальность, разрывающие связи между людьми, существуют, и реальность произошедшей катастрофы отменить невозможно. Бесчисленные утраты, сопутствующие катастрофам, множат Ничто, являя собой непрерывность Абсурда как смерти смысла (смерть и есть непрерывность, не требующая порядка, следовательно, из этой непрерывности нет выхода [12, с. 176]).